Л.У.ЗВОНАРЕВА

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Для иеромонаха Симеона Полоцкого, получившего серьезную богословскую подготовку в Киево-Могилянской коллегии и Виленской иезуитской академии, естественно использование в виршах и проповедях мотивов, метафор и образов Библии (напомним, что первое в России печатное издание полной церковнославянской Библии вышло в Москве только в 1663 году[1]). Постоянство в обращении писателя к некоторым из библейских образов и мотивов, заметное даже в контексте огромного литературного наследия Симеона, убеждает в их неслучайности, отражающей специфику мироощущения автора. Думается, подробный анализ библейских мотивов и образов в творчестве Симеона Полоцкого имеет важное значение для более глубокого понимания особенностей поэтики Симеона и своеобразия его философской концепции.

При первом же прочтении поэтических текстов Симеона Полоцкого легко выделить четыре основных способа художественного претворения писателем библейских образов и мотивов.

Дословная цитата из разных книг Библии нередко применялась просветителем в качестве эпиграфа, служащего интеллектуально-нравственным камертоном при чтении того или иного произведения (например, пять цитат из 3 и 4 книг Царств и разных глав I Паралипоменона, предпосланные книжице "Гусль доброгласная"). Дословные цитаты из Ветхого и Нового Заветов встречаются во многих виршах "Рифмологиона". Даже для своих фигурных стихотворений писатель стремился брать не произвольные символы, а, подобно Ф.Скорине, связывавшем формы колофона с текстом, обыгрывать ту или иную цитату из Нового Завета. Так, виршам в форме

сердца из входящего в "Рифмологион" панегирического цикла "Орел Российский", написанного Симеоном Полоцким по случаю провозглашения царевича Алексея Алексеевича наследником престола (1667) предшествует цитата из Евангелия от Луки: "От избытка сердца уста глаголют".[2] В польскоязычных виршах из рукописного сборника Симеона "Разные стихотворения" цитаты из Библии и библейские герои встречаются гораздо реже. В стихотворении "Счастье богачей плачевно" замечаем парафраз евангельского изречения (Матф., XIX, 23-24): "Может ли верблюд пролезть сквозь игольное ушко?"[3](перевод с польского В.К.Былинина), а в виршах "Защита Цезаря и судьбы его" - парафраз текста Псалтыри (пс. 48, 55): "Не опасаюсь... ведь ты, Бог, со мной, мой истинный спаситель!"[4]

Но чаще всего опирается Симеон Полоцкий на евангельские цитаты в своем энциклопедическом сборнике "Вертоград многоцветный". В стихотворении "Грехи ума" встречаем истолкование слов апостола Павла о тщете плотской мудрости (I Коринфянам, I, 27): "...Павел заключает: "не мудритеся паче, неже подобает!"[5] В центре цикла стихотворений "Талант" - реминисценция известной евангельской притчи (Матф., ХХУ, 14-30): "Талант в земли сокрыти".[6] В стихотворении "Труд" выражение из Евангелия приводится даже со ссылкой на первоисточник: "Праздный да не яст", - апостол сказаше"[7] (2 Послание апостола Павла к фессалоникийцам, Ш, 10). В стихотворении 2 из цикла "Евангелисты" встречаем популярное евангельское выражение (Марк, I, 3, 3): "Глас вопиющаго во пустыни мира".[8]

Уже в первом разделе сборника "Вертоград многоцветный" Симеон попытался, как заметил В.К.Былинин, представить в "эсхатологической трактовке всю историю мира: от Адама до Антихриста"[9], а символическим числом стихотворных разделов сборника - 33 - "подчерк-

нуть божественную освященность созданного им монументального стихотворного ансамбля".[10] При этом для стихов из "Вертограда многоцветного" более характерен пересказ библейских сюжетов.

Довольно часто обращается писатель в своих виршах и к традиционным библейским метафорам и эпитетам. Так, в стихотворении "Год века образ" встречаем поющего лебедя - символ христианского служения Богу, в виршах "К родителю" выражение "старый (ветхий) младенец", подчеркивающее предвечность Иисуса Христа, существовавшего как единосущный Богу-Отцу и до сотворения мира.

Симеон считал самоценным и обычный зарифмованный пересказ библейских сюжетов. Так, в виде приложения к сборнику "Вертоград многоцветный" обнаруживаем целый цикл "Вивлиа" - "равномерно и краесогласно устроенная" (рукописный отдел БАН, 31.7.3, листы 590-608 об.). Роскошный, очевидно, подносной экземпляр озаглавлен "Сокровища Ветхого и Нового заветов". В него вошло 261 стихотворение (объемом от 2 до 8 стихов) - конспективное изложение Ветхого и Нового заветов). Кроме того, самой популярной книгой Симеона стала, напомним, "Псалтирь рифмотворная", пробудившая у М.В.Ломоносова интерес к славянской поэзии. Как известно, "Псалтирь рифмотворную" Симеона назвал первый русский академик среди книг, ставших для него "вратами учености". Многие псалмы из этого сборника, положенные на музыку певчим дьяком В.П.Титовым, приобрели в России большую популярность и вошли в песенники.

Симеон не допускал чрезмерных вольностей в обращении с библейскими цитатами и сюжетами. На полях рукописи "Рифмологиона" постоянно встречаются пометы - точное указание библейского первоисточника (заметим, более всего здесь ссылок на 3 и 4 книги Царств).

Наиболее часто Симеон, не излагая подробно событий, вводит в текст библейские персонажи, как бы отсылая читателя (слушателя) к известному ему сюжету. Нетрудно выявить имена героев, к образам которых писатель обращается с заметным постоянством – это Давид, Соломон, Самсон, Никодим, Навуходоносор и Авессолом.

Царство третьего царя Израиля Соломона стало символом мира и благоденствия благодаря его легендарной мудрости: "художница всего – премудрость" позволила Соломону познать "устройство мира, начало, конец и средину времен... Все сокровенное и явное" (Премудрости Соломона 7, 17). Напомним, что Соломон был не только идеальным правителем, но и выдающимся, на редкость плодовитым писателем: он изрек три тысячи притчей и тысячу пять песней, в которых описал свойства всех растений, зверей и птиц. Подобная плодовитость и энциклопедизм весьма созвучны Симеону-литератору, исписывавшему, по свидетельству его ученика Сильвестра Медведева, в день по тетрадке "зело уписисто" и стремившемуся сделать свои вирши предельно информативными. Этим же можно объяснить и особую пристрастность Симеона к библейскому царю Давиду – младшему сыну пастуха, ставшему царем-спасителем, искусному поэту и музыканту, легендарному автору переложенных Симеоном религиозных песен-псалмов, достигшему царского трона лишь благодаря собственной силе, отваге, мудрости и талантам (не так ли и сам Симеон из безвестных дидаскалов Полоцкой братской школы шагнул в наставники юных царевичей?). Кроме того, сравнения с Давидом и Соломоном весьма ценил, очевидно, и пробовавший писать вирши царь Алексей Михайлович, в посланиях которого исследователи обнаруживают "умелое владение нормами этикета церковной литературы и художественное чутье духовного писателя", склонного к тому стилю, который "сформировался позже в писаниях русских

старообрядцев".[11]

Характерно, что в образе Давида-правителя Симеон Полоцкий стремится подчеркнуть самоотверженную заботу о своих подданных (вирши о царе Давиде так и называются: "Любов к подданым"):

Егда за грех Давыдов Бог люди казняше
всегубителством, тогда Давыд вопияше:
"Аз есмь грех сотворивый, боже, обратися
на мя с казнию ти, сам милостив явися".

В нижеследующей морали - авторских комментариях - Симеон подчеркивает принципиальную важность для благочестивого правителя этой добродетели, явно ориентируясь на своих царственных учеников:

Оле любве царския! Сам хощет умрети,
аки отец ли мати за любые дети.[12]

Образ богатыря Самсона, который:

Челюсть осла мертваго... похитил есть
Филистынов тысящу тою поразил есть...[13],

а вскоре погиб под обломками храма вместе с филимстимлянами, трактовался Симеоном как убедительный символ разумной силы и самоотверженности. Правда, писатель хорошо знал, что отнюдь не всегда в этом жестоком, иррациональном мире может найти себе применение деятельный человек, наделенный этой "разумной силой". Так, еще в ранних "Стихах утешных к лицу единому", уподобляя себя Самсону, поэт писал:

Видете мене, как я муж отраден
Возрастом велик и умом изряден?
Кто ся со мною может поровнати,
Разве из мертвых Голиафу встати?

Ума излишком, аж негде девати, -

Купи, кто хочет, а я рад продати...

А сколько силы - не можно сказати:

Льва на бумагу мощно мне раздрати,

Другий то Сомпсон, да нет с ким побиться:

Кого вызову - всяк мене боится.[14]

Интересен и появляющийся в текстах Симеона (в школьной пьесе "Вирши в Великий пяток при выносе плащаницы"и в пасхальной декламации "Стихи на Воскресение Христово") образ знатного израильтянина Никодима (с его именем связан знаменитый апокриф "Никодимово Евангелие"), упомянутого лишь в одном каноническом евангелии - от Иоанна. Он как бы объединяет в одном лице преданного ученика и высокопоставленного мецената, начальник всадников в охране Понтия Пилата, князь иудейский Никодим еще при жизни уверовал в божественность Христа (Иоанн,XIX, 38-42). Институт меценатства был для Великого княжества Литовского и Русского государства в ХУI-ХУП веках весьма прогрессивным и, напомним, сыграл в судьбе самого Симеона Полоцкого значительную роль.

Поэт верил в проницательность своих читателей и слушателей, в их умение сопоставлять традиционный образ с современным героем. Эта творческая установка прозвучала уже в раннем стихотворении двадцативосьмилетнего Симеона "Витане боголюбивого епископа Калиста Полоцкого ы Витебского, од детей школы Брацкое Богоявленское мовеное пры въезде его милости до Полоцка А[о] 1657, июня 22":

Образ прототипу подобны бывает,

хто зрыт в зерцало себе, другаго видает.[15]

Позднее (начиная с 1666 года) писатель посвятит проблеме

живописного образа несколько специальных сочинений. Особое внимание Симеона к иконописи заметно и в цикле стихов "Евангелисты" (из сборника "Вертоград многоцветный"), где поэт, рассуждая о том, что учитель живет и продолжается в своих учениках, вспоминает миниатюры, на которых евангелист Матфей изображается вместе с юношей -учеником, а говоря о евангелистах Луке и Иоанне, обыгрывает их изобразительные атрибуты - тельца и орла. В первом двустишии виршей "5 чювствий следуют" также можно увидеть скрытый намек на евангелистов Матфея и Иоанна:

Мало око образ всих вещии вмещает,
Орел - солнце, муж зорок стены проницает.

Перевод с польского А.А.Илюшина

Средневековая литургическая традиция соотносила символы Евангелий с различными аспектами деятельности Сына Божия: лицо человека означает его явление в мир человеком, орел указывает на обладание Духом. Религиозно-символическое истолкование орла как образа человеческой души, обновляющейся ображением к Богу, восходит к тексту псалма (102, 5). Старый орел поднимается к солнцу, опаляет крылья и проясняет тусклость глаз, а затем три раза окунается в источник, возвращая себе красоту оперения и силу зрения.

На тексте песни восхождения Давида (Псалтирь, 120: 1, 122: 1) может быть основано истолкование другого героя этого стихотворения - оленя ("Елень тончавый слухом на звук лютни спешит..."), подымающегося в горы, которые символизируют библейских пророков и апостолов. Читая в тех же виршах, что "рыбы сети не рвут", вспоминаем, что в евангелии от Матфея встречается уподобление "царства небесного неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода" (Матфей, 13, 47). Согласно же символике бестиариев, рыбы, живущие стаями в мире и согласии, призваны воплощать образ общества, где сильный не угнетает слабого.

В двенадцати строках стихотворения "5 чувствий следуют" скрыт весь жизненный путь человека, устремленного к небу и солнцу и обреченного земле. Герой этих виршей – "муж зорок" предстает перед читателем в окружении животных, птиц, рыб и насекомых (орел, олень, собака, обезьяна, рыбы, паук, блоха, скорпион, черепаха). И хотя за образом каждого из этих персонажей стоит эмблематический или притчевый сюжет, все вместе они создают впечатляющую картину живого, подвижного мира.

Среди принципиально важных для Симеона Полоцкого героев мы упоминали Авессолома, появившегося уже в раннем польскоязычном стихотворении "На грешника". В древнееврейской, средневековой и ренессансной литературе образ Авессолома – третьего сына царя Давида от Маахи, дочери гесурского царя, стал символом опасного славолюбия, гордости, жестокого отношения к родителям и напрасной надежды на внешнюю красоту. Авессолома встречаем и в польском стихотворении Симеона "Слава – изменчива", переложенном самим автором на церковнославянский язык:

Где есть Авесолом лицем украшенный?[16]

Фигура Авессалома неожиданно возникает и в "Френах, илы плачах... о смерти... государыни... Марии Ильиничны" (из сборника "Рифмологион"):

Як Авесолом отца си гоняше,
тако не един на мя сын восставше...[17]

Этому же герою посвящено одно из первых стихотворений из сборника "Вертоград многоцветный", так и озаглавленное – "Авесолом". Под пером Симеона Авессолом превращается в монументальный образ-предостережение. Особую современность этому герою придает скрытый в нем мотив искушения внешней красотой, которое выдерживает

лишь сильная личность (как известно, причиной гибели Авессолома стали его прекрасные длинные волосы, запутавшиеся в ветвях дуба) - мотив, весьма популярный в европейской литературе XIX и XX века. Будто предчувствуя грядущее потрясение устоев, разрушение традиции, чреватое конфликтами отцов и детей (вспомним трагическое столкновение одного из воспитанников Симеона - будущего царя Петра с сыном, царевичем Алексеем, подобно Авессолому восставшим против отца и также из-за этого погибшим), писатель пристально вглядывается в знакомый сюжет.

На программность некоторых библейских образов указал сам писатель в предисловии к книжице "Гусль доброгласная" - своеобразном стихотворном поздравлении-напутствии Федору Алексеевичу, поднесенном автором своему бывшему ученику 18 июня 1676 года в день его венчания на царство: "Желаю, да будеши... кротостию Давид, мудростию Соломон, благочестием Езекия, промыслом Иосиф..."[18].

Интересны и образованные от собственных библейских имен писателем оригинальные неологизмы, - тут же поясняемые самим автором, никогда не забывающим о своем педагогическом призвании:

Токмо потребно есть давыдствовати,
со Богом жити и в нем уповати.[19]

И здесь же, следуя поэтике барокко, построенной на контрастах и противопоставлениях, поэт добавляет:

То есть известно, враг голиафствует,
Христа истинна Бога безчествует...

Правда, в том же тексте писатель иногда прибегает к принципу градации - усилению комплекса положительных качеств:

Отец твоя, яко Давыд, царствоваше,
ты соломонствуй, солнце наше,
Мирно и мудро...[20]

Как видим, Алексей Михайлович и его наследник Федор Алексеевич сопоставлялись с библейскими персонажами не только в панегирических, но и в воспитательных целях.

Еще И.Н.Розанов отметил в своей вступительной статье к сборнику "Вирши. Силлабическая поэзия ХУП-ХУШ веков" особое внимание поэта (неожиданное для монаха) к так называемой "женской теме".[21] Конечно, в виршах Симеона немало традиционных образов "злых жен" (типа коварной любовницы Самсона Далилы). Это и убившая лонгобардского короля Альбоина жена Розамунда (стихотворение "Месть"), и отравившая шотландского короля Кемефа Фенелла (вирши "Жена блудная"), и жадная женщина, пытающаяся присвоить деньги престарелого родителя (вирши "Чадом богатств не отдаяти"), оскорбившая грубым словом Богородицу безымянная болезненная жена, живущая в супружестве с "вепрем адским" (стихотворение "Казнь хулы"), жадная, ревнивая и сварливая жена (вирши "Женитва"). А вот имя одной из центральных библейских героинь - Евы - не встретилось нам в стихах Симеона. Лишь в польском "Акафисте Пресвятой Деве" он вспоминает "клятву прабабки" - клятвопреступление Евы, считавшейся прародительницей человечества. Подобная "фигура умолчания" заставляет задуматься о том, что писатель, натуре которого не чужд был некоторый авантюризм, не торопился осуждать дерзкий поступок Евы. Возможно, Симеону Полоцкому была близка ренессансная оценка этой библейской героини, предлагаемая современными литературоведами: "Ветхий Завет подарил человечеству вечный образ женщины, перед которым меркнут обычные представления о прекрасном и нравственном. Ева выше их, этих представлений. Ее "дерзанье" - прототип всех человеческих дерзаний, порывов в неведомое и неизведанное".[22]

Из библейских героинь в ранних стихах Симеона встречаем несправедливо опороченную Сусанну, раскаявшуюся Магдалену, отважную Юдифь, целомудренную и обесчещенную Дину. В стихах московского периода - прекрасную Рахиль, героическую Дебору, мудрую Эсфирь. Среди безымянных, явно симпатичных автору благочестивых жен замечаем невинно оклеветанную царицу (вирши "Клевета"), согрешившую, но раскаявшуюся и прощенную Богородицей монахиню (вирши "Блуд со сродником"). Интересен образ находчивой жены, отучившей пьяницу-мужа от возлияний (вирши "Пиянство").

Итак, гораздо чаще в виршах Симеона встречаются образы мудрых и героических жен и дев: писателю чуждо было тенденциозное женоненавистничество. В этом он следовал гуманистической традиции старобелорусской литературы: четвертая часть любимого Симеоном энциклопедического сборника "Апофегмата", составленного Беняшем Будным, представляла собой "Высказывания жен мудрых", подлинные гимны в своих философских комментариях к библейским книгам произнес Ф.Скорина в честь самоотверженности и патриотизма Юдифи, трудолюбия и благочестия Руфи.

Просматривая общий перечень библейских сюжетов, встречающихся в виршах Симеона, приходим к выводу, что особое предпочтение отдавал автор евангельскому эпизоду, связанному с Рождеством Христовым. Не случайно значительное число поздравительных стихов из сборника "Рифмологион" связано именно с этим христианским праздником. Заметно, что писатель, не опасаясь самоповтора, вновь и вновь обращается к этой теме. Напомним, что тому же сюжету посвящена и одна из ранних пьес Симеона "Беседы пастуские".

Не один раз (например, в виршах "Стихи краесогласные на Рождество Христово", "Френы, или плачи... о смерти... государыни... Марии Ильиничны" и др.) обращается Симеон и к героическому эпизоду

из жизни трех библейских отроков, в печи не сожженных, с достоинством выдержавших страшное испытание огнем и не отказавшихся от своей веры. Этот сюжет знаменателен еще и тем, что в нем самую активную роль играет жестокий вавилонский царь Навуходоносор. Он стал героем известной пьесы писателя "Трагедия о Навходоносоре." И.П.Еремин в свое время заметил, что именно Симеон Полоцкий ввел в русскую поэзию понятие "тиран" в значении "жестокий правитель"[23] (в белорусской литературе оно встречалось уже в ХУI веке в книгах Ф.Скорины, Н.Гусовского, Б.Будного[24]). В творчестве Симеона Полоцкого библейский образ Навуходоносора играет своеобразную воспитательную роль "антигероя",противопоставленного программному образу идеального просвещенного правителя, рисуемого писателем во многих стихотворных панегириках и виршах.

Учитывая, что объектом основных воспитательных усилий иеромонаха Симеона были царевичи - дети Алексея Михайловича (и самому, кстати, царствующему государю немало конкретных советов дал в панегириках и проповедях просветитель), отметим, насколько умело, помня о конкретной исторической ситуации, наполнял писатель библейские образы остросовременным содержанием, приучая своих читателей видеть второй план, символический подтекст в традиционных сюжетах и персонажах. Образ жестокого деспота Навуходоносора обретал особый смысл в Московском государстве второй половины ХУП века, где еще не забыли тревожное "смутное время".

Поучая молодого царя Федора в книжице "Гусль доброгласная", Симеон особо подчеркивает злободневность многих книжных героев и их судеб:

Книги истории возлюби читати,
от них бо мощно что бе в мире знати.
И по примеру живот свой правити,
да бы спасенно и преславно жити.

Само чтение многи умудряет,

яко бо свещу во тме возжигает...[25]

Как убедительно доказали в своих работах советские исследователи[26], барокко в Московской Руси и отчасти в белорусско-украинском регионе взяло на себя функцию Ренессанса, Возрождения. Эту возрожденческую линию Симеон Полоцкий продолжал проводить и в своих стихах московского периода, вновь и вновь обращаясь к символическому эпизоду Рождества Христова, утверждающему появление нового, более гуманного мировоззрения, становление нового типа личности, внутренне свободной и цельной, к теме воспитания юного человека – при помощи старых и новых методов одновременно (сразу и розг, и убеждений): именно в таком, "воспитательном" ключе переделывает писатель в пьесу известный сюжет о злоключениях блудного сына. Внимательному читателю предлагается принципиально новый идеал – отрок, способный и в огне сохранить верность своим убеждениям, достойно противостоять царственному самодурству и откровенной тирании.

Как известно, еще Филон Александрийский рассматривал весь Ветхий Завет как систему аллегорий и символов (Адам – земной ум, Ева – чувственные ощущения, Иаков – аскетизм, Авраам – наука, Исаак – благодать и т.п.). На изначальную символичность всего древнего искусства, по-своему трактующего библейских героев, в XII веке указывал митрополит Климент Смолятич, поясняя, что одна из жен Иакова, больная очами Лия, означает неверных иудеев, а Рахиль, другая его жена, – верующих язычников. К образам Ветхого и Нового Завета Симеон Полоцкий постоянно обращался в виршах как белорусского, так и московского периодов творчества. Библейские мотивы в его стихах причудливо сочетались с образами древнеримской мифологии и конкретными сведениями из древнеримской и

европейской истории. Все это говорит о последовательном стремлении поэта закладывать в читательских душах нравственные основы не только при помощи отвлеченных дидактических поучений, а опираясь на выразительные библейские образы и наполняя понятие "смиреномудрия" как жизненной позиции конкретным содержанием.

Примечания

1. Рижский М.И. История переводов Библии в России. - Новосибирск, 1978. - С. III
2. Русская силлабическая поэзия ХУП-ХУШ веков. - Л., 1970. - С. 409
3. Симеон Полоцкий. Вирши. - Минск, 1990. - С. 96
4. Там же, С. 171
5. Рукописный отдел ГИМ, Синод. собр., № 288, л. 133
6. Русская силлабическая поэзия ХУП-ХУШ вв. - С. 159
7. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. - Минск, 1962. - С. 242
8. Русская силлабическая поэзия ХУП-ХУШ вв. - С. 125
9. Былинин В.К. К проблеме поэтики славянского барокко. "Вертоград многоцветный" Симеона Полоцкого. // Советское славяноведение. - 1982. - № 1. - С. 62
10. Там же, С. 58
11. Душечкина Е.В. Царь Алексей Михайлович как писатель. (Постановка проблемы). // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление традиции. - М., 1976. - С. 185-186
12. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. - С. 246
13. Симеон Полоцкий. Вирши. - С. 327
14. Там же, С. 26
15. Рукописный отдел ЦГАДА, ф. 381, № 1800, л. 8-9 об.

16. Рукописный отдел ЦГАДА, ф. 381, № 1800, л.8-9 об.

17. Рукописный отдел ГИМ, Синод. собр. № 287, л. 500 об.

18. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. - М.-Л., 1953. - С. 111

19. Там же, С. 129

20. Там же, С. 154

21. Вирши. Силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. - Л., 1935

22. Илюшин А.А. Песни Земного Рая. (Силлабический перевод и наблюдения над текстом). // Дантовские чтения, 1979. - М., 1977. - С. 231

23. Еремин И.П. Симеон Полоцкий - поэт и драматург. // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. - М.-Л., 1953. - С. 231

24. Звонарева Л.У. Гуманистические традиции белорусской литературы XVI в. в творчестве Симеона Полоцкого. // Исторические традиции духовной культуры народов СССР и современность. - Киев, 1987. - С. 83

25. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. - С. 129

26. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. - М., 1979; Конон В.М. От Ренессанса к классицизму. - Минск, 1978.